

В начале октября отечественную прессу атаковала вирусная весть, запущенная, похоже, РБК: «BCG сообщила о «русском чуде» в сфере карточных платежей». К весте прилагалось пояснение: «Россия продемонстрировала феноменальный рост количества безналичных платежей — за восемь лет этот показатель увеличился в 30 раз. При этом Россия стала крупнейшим в Европе рынком по объему операций с использованием цифровых кошельков и мировым лидером в сфере защищенных токенизированных транзакций. Об этом свидетельствует исследование международной консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG)».

Новость подхватили и «Банки.ру», и The World News, и Пятый телеканал, и «Газета.ру», и «Капитал Страны», и «Финансовая газета», и еще много разных изданий, для читателей которых фраза «токенизированные транзакции» звучит диковинным ругательством. По всему было видно, что сообщение хорошо легло на душу и растеребило чувство гордости за отечество.

«Новая газета» попросила новость эту прокомментировать, и я, наивный человек, испорченный университетским образованием, вместо того, чтобы подхватить мотив массового энтузиазма и возбуждения, отправился проверять первоисточники. Так уж меня приучили.

Обнаруженное вызвало у меня двойственное чувство. С одной стороны, испытал горечь от комплекса неполноценности, который снова и снова с дьявольской настойчивостью и неведомой целью прививают населению СМИ. Похоже, это какое-то перманентное состояние: 100 лет назад великий писатель уже рассказывал нам о восторге славы, который испытал коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, когда «выходя из портерной, что на Малой Бронной, в доме Козихина, и находясь в нетрезвом состоянии, поскользнулся и упал под лошадь стоявшего здесь извозчика, крестьянина дер. Дурькиной Юхновского уезда Ивана Дротова». До того злополучного события о Кулдарове знала «одна только мамаша», сегодня же, благодаря докладу BCG, о нашем лидерстве в сфере защищенных токенизированных транзакций знает вся планета.

С другой стороны, выживание сомнительных «русских чудес» тем печальнее, что поводов для подлинной национальной гордости достаточно и без «токенизированных транзакций». Поясню свою мысль.

Если вы откроете первоисточник, на который ссылается РБК, он вам вряд ли понравится. В докладе безусловно авторитетной консалтинговой фирмы (учрежденная в 1963 году BCG действует в 50 странах и зарабатывает 7,5 миллиарда долларов ежегодно), озаглавленном «Глобальные платежи 2019. Разрабатывая новые ресурсы для роста» (Global Payments 2019. Tapping into Pockets of Growth), из 27 страниц для России нашлось место... в одном-единственном абзаце!

Вот это упоминание: «В Восточной Европе доходы (от карточных платежей). — С. Г.) продолжают демонстрировать рост выше среднего: прогноз среднегодового роста на период с 2019 по 2028 год составит 7,4%. Основной импульс для экспансии задает Россия. Как мы указывали в прошлом году, сочетание дешевого розничного финансирования, высокой концентрации рынка и крупных инвестиций в технологии способствовали «русскому чуду», которое превратило Россию в мирового лидера токенизированных безопасных транзакций и крупнейший в Европе рынок цифровых кошельков».

Что означает эта фраза, создавшая возбуждение в российской прессе? Как минимум то, что возбуждаться полагалось не сегодня, а год назад, когда BCG, собственно, и поведала о «русском чуде».

В прошлогоднем 32-страничном докладе бостонских консультантов («Глобальные платежи 2018. Переосмысление поль-

зовательского опыта», Global Payments. Reimagining The Customer Experience) Россия удостоилась целой подвальной врезки.

Врезка, озаглавленная «Русское чудо», сообщала, что безналичные платежи в России в период с 2010 по 2017 год выросли с 25 транзакций на человека до 150, в среднем 29% ежегодного прироста. В результате такого рывка Россия переместилась с 29-го места в Европе на 14-е. Для того чтобы стать «самой-пресамой» в Старом Свете, нашей стране предстоит еще догнать Латвию, Португалию, Швейцарию,

и данных владельца за условным буквенно-цифровым кодом).

Именно эти действия банков, направленные в первую очередь на собственное выживание в условиях финансового (девальвация национальной валюты) и политического (санкционный режим и антисанкции) кризиса, и снизили России звание «мирового лидера токенизированных, бесконтактных защищенных транзакций».

Именно об этом звании BCG рассказал в октябре 2018 года, а российская пресса — в октябре 2019-го.

Безналичная Россия

Почему мы платим картами, а не кэшем, или Откуда взялось «русское чудо» в сфере электронных платежей

Францию, Голландию, Люксембург, Объединенное Королевство, Эстонию, Финляндию, Ирландию, Швецию, Данию и Норвегию.

Далее врезка в докладе BCG объясняла смысл феномена, так возбудившего отечественную прессу год спустя. Для того чтобы остаться на плаву после тяжелейшего финансового кризиса, российским банкам требовалось срочно изыскать дешевый и стабильный источник пополнения доходов. Таковым традиционно считаются комиссионные от безналичных операций населения.

На стимуляцию общественного интереса к безналичным платежам были брошены большие финансовые ресурсы, а успеху способствовала беспрецедентная концентрация банковских услуг. Главным двигателем «чуда» явился Сбербанк, контролирующий 55% рынка банковских кредитных карт. Именно Сбербанк революционизировал систе-

Вирусная подача «новости» породила ответную волну национальной гордости рядовых обитателей Рунета. Комментарии под публикациями пестрят репликами вроде «в Израиле в прошлом году PayPass нашел только в одном месте — в «Макдоналдсе» на Мертвом море, и то он не сработал, пришлось вставлять карту чипом», «был в Британии, там наличными больше рассчитываются, чем у нас», «в Италии тоже картой очень сложно расплатиться. Очень много нала», «у нас в «замкадь» я почти везде плачу только телефоном». Ну и так далее в том же духе.

Что же все-таки не так с таким «русским чудом»? В плане технологий все, безусловно, замечательно. Пару недель назад, путешествуя на машине по Европе, я в очередной раз констатировал не по-русски малое число банкоматов на улицах и почти универсальную невозможность расплатиться в магазинах подведением к терминалу умных часов или смартфона.

криптовалюта (которая биткойны, а не Libra Цукерберга).

Отсюда повсеместное предпочтение, отдаваемое наличным в Евросоюзе. В этом, кстати, принципиальное отличие Европы от Америки: в последней население давно обменяло свое первородство на густую чечевичную похлебку из электронных платежей и тотальной закредитованности жизни. В Европе пока из последних сил держатся, хотя поражение и неизбежно.

Выше я помянул драматическую напряженность европейского отношения к электронным платежам. Если у рядовых граждан сложилось полное понимание того, что наличные деньги и их криптоаналоги — это Рубикон в борьбе за приватность жизни, то в кулуарах европейской власти царит лютое отторжение наличности и криптовалют. Последние, если судить по дискуссиям в немецком бундестаге и французском парламенте, вообще воспринимаются как уловка Дьявола, направленная на уничтожение суверенитета национальных денежных систем.

Неоднозначность «русского чуда», по версии BCG и РБК, отнюдь не ограничивается противостоянием банковских карт и наличных денег. По непонятной причине в докладе уважаемых бостонских консультантов за рамками описания «чуда» остался едва ли не главный компонент глобального доминирования России в области токенизированных транзакций.

Можно, конечно, умиляться технологиями, которые позволяют гражданам расплачиваться небрежно-триумфальным приложением к терминалу смартфона или умных часов. А можно поинтересоваться источником денег, в этих платежах участвующих.

В самом деле, чем это наши соотечественники так технологично расплачиваются? Не нужно быть Сибиллой, чтобы догадаться: соотечественники в массе своей сегодня расплачиваются кредитными деньгами банков. Тех самых банков, которые сначала высокотехнологичную иглу разработали, а затем всех на нее посадили.

«Каким-то невероятным образом постоянно находится армия разработчиков, которая по первому свистку государства умудряется в рекордные сроки разворачивать сверхтехнологичные инфраструктуры»

му бесконтактных платежей, цифровых кошельков и мобильных P2P платежей, которые к тому же были освобождены от комиссий при прямом переводе клиентами денег друг другу.

За Сбербанком подтянулись остальные крупные банки России и реально создали чрезвычайно привлекательный в технологическом отношении рынок карточных платежей, отличающихся высокой степенью защиты от злоумышленников (встроенные чипы, двухфакторная аутентификация по СМС и токенизация платежей, то есть сокрытие номера карты

Даже на сам банковский пластик кассиры смотрят не то что с осуждением, а скорее с непониманием: зачем это я с такой радостью использую столь сомнительную форму платежа?

Претензии возникают не к технологическому удобству поголовной токенизации отечества, а к процессам, этому «лидерству» подлежащим. Достаточно сказать, что в Европе, этом последнем бастионе свобод личности на нашей планете, взаимоотношения общества и электронных платежей доведены до драматического предела.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Здесь нет ни конспирологии, ни злого умысла. Нет вообще ничего, кроме учебника по экономической науке, из которого можно узнать, что именно кредиты, а не комиссионные отчисления за электронные платежи, являются основным источником дохода банков. Забавно, что бостонские консультанты предпочли не упоминать эту хрестоматийную истину в разговоре о «российском чуде».

Между тем, если верить министру экономического развития России Максиму Станиславовичу Орешкину, «в 2021 году в стране лопнет пузырь, надувшийся на рынке потребительского кредитования» (цитирую по публикации «Газета.ру»), после чего «ВВП обвалится сразу на 3%, страна уйдет в рецессию, разразится полномасштабный кризис».

Характерно, что вирусная «новость» о «глобальной лидерстве» России шла на фоне неуместных сравнений с нулевыми годами: тогда, мол, мы все как дурачки расплачивались только наличными, зато сегодня, слава богу, уже впереди планеты всей.

Так ясен же пень: тогда, в нулевые, мы платили *своими* наличными, которые у нас были! А сегодня мы совершаем «токенизированные платежи» деньгами, *одолженными* у банков, потому что своих наличных уже не осталось.

Сначала всех обнищали в два раза, ополовинив ради спасения бюджета и сырьевых монополий национальную валюту в 2014 году. Затем всех утопили в легкодоступных кредитах. В итоге, по словам министра Орешкина, «треть кредитов была выдана заемщикам, у которых платежей по этим займам превышает 60% ежемесячного дохода». «Не менее 13% платят по трем кредитам; 7% — по четырем или даже больше. По двум — 25%. Средний долг у заемщиков с одним кредитом вырос на 12% за год, до 137 тысяч рублей, с двумя — на 11%, до 284 тысяч рублей. У тех, кто крутится и пытается обслуживать три и четыре кредита, средняя сумма долга достигла 403 и 514 тысяч рублей соответственно».

Под занавес хочу вернуться к заголовку: к русскому чуду без кавычек. Не подумайте

« Именно кредиты, а не комиссионные отчисления за электронные платежи, являются основным источником дохода банков »»

только, что я пытался *очернить, принизить* или *отнять* у страны заслуженную технологическую *победу*. Боже упаси. Я лишь описал *реальную цену* этой победы.

Ну да бог с ними, с банками, заказавшими инженерам и программистам создание очередной финансовой вериги для населения. У этой истории есть и другой аспект — те самые инженеры и программисты. В стране с практически остановившимися в развитии ИТ-технологиями и с полуживым ИТ-бизнесом каким-то невероятным образом постоянно находится армия разработчиков, которая по первому свистку государства (тут уж ничего не попишешь: это единственный платежеспособный заказчик в наши дни!) умудряется в рекордные сроки разворачивать сверхтехнологичные инфраструктуры с таким размахом, что заказчик тут же выходит в мировые лидеры.

Именно эти разработчики, этот поистине неисчерпаемый интеллектуальный ресурс нации и составляет подлинное и самое большое русское чудо. Без кавычек и ложного пафоса. Тем более — без комплексов угодивших под лошадь пьяных коллежских регистраторов.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ — специально для «Новой»